

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-331-343

EDN VKTKRJ

«Не хан и не василевс»: возвращаясь к вопросу о соотношении политической теории и практики в средневековой Руси

¹ Пенской А.В., ² Пенская Т.М.

¹ Адвокатская палата Белгородской области
Россия, 308001, г. Белгород, ул. Нагорная, д. 2

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
apenskoj91@gmail.com, penskaya@bsuedu.ru

Аннотация. Особенности формирования и последующей эволюции раннесредневекового Русского государства на протяжении многих десятилетий являются одними из наиболее обсуждаемых в историческом сообществе. Среди исследуемых проблем выделяется вопрос о сущности средневековой русской политической культуры и традиции, в частности о воздействии на них византийской и ордынской политических культур. Мнения историков и правоведов по этому поводу разделяются. Одни полагают решающим византийское влияние, другие – ордынское. Но можно ли ответить на вопрос о корнях средневековой русской традиции, исходя из дилеммы «хан или василевс»? Автор статьи предлагает выйти за рамки традиционного византийско-ордынского дискурса и посмотреть на эту проблему под иным углом зрения. Разделив политическую теорию и практику, он приходит к выводу, что политическая культура в домонгольской Руси формировалась как самобытная в своей первооснове. Византийское влияние не могло оказать существенного воздействия на этот процесс по причине отсутствия необходимых политических, социальных и культурных предпосылок и тем более этого не могла сделать чуждая для Руси ордынская политическая культура – к моменту установления ордынского ига русская политическая традиция уже сформировалась и обрела устойчивые формы. Русский князь не был ни подобием василевса, ни копией хана, – приходит к выводу автор.

Ключевые слова государство, право, политическая культура, традиция, христианство, Византия, Золотая Орда, Русь, василевс, хан, князь

Для цитирования: Пенской А.В., Пенская Т.М. 2025. «Не хан и не василевс»: возвращаясь к вопросу о соотношении политической теории и практики в средневековой Руси. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 331–343. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-331-343 EDN: VKTKRJ

“Neither Khan nor Basileus”: Returning to the Question of the Relationship between Political Theory and Practice in Medieval Rus

¹ Alexander V. Penskoy, ² Tatyana M. Penskaya,

¹ Bar Chamber of the Belgorod Region
2 Nagornaya St, Belgorod 308001, Russian Federation
² Belgorod State National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
apenskoj91@gmail.com, penskaya@bsuedu.ru

Abstract. For many decades, the features of the formation and subsequent evolution of the early medieval Russian state have been among the most discussed in the historical community. Among other issues that are the subject of discussion among researchers, the question of the essence of medieval Russian political

culture and tradition stands out. And when it comes to what factors influenced the process of formation of the political culture inherent in medieval Rus, the problem of the impact produced by the Byzantine and Horde political cultures inevitably comes up. The opinions of historians and lawyers on this matter are divided. Some believe that the Byzantine influence was decisive, others ascribe this influence to the Horde. But is it possible to reveal the roots of the medieval Russian tradition based on the dilemma of "khan or basileus"? The authors of the article suggest going beyond the traditional Byzantine-Horde discourse and looking at this problem from a different angle. Having separated political theory and practice, they come to the conclusion that political culture in pre-Mongol Rus was formed as original in its foundation. Byzantine influence could not have a significant impact on this process due to the lack of necessary political, social and cultural prerequisites, and even more so the Horde political culture, alien to Rus, could not do this – by the time the Horde yoke was established, the Russian political tradition had already formed and acquired stable forms. The authors conclude that the Russian prince was neither like a basileus, nor like a khan.

Keywords: state, law, political culture, tradition, Christianity, Byzantium, Golden Horde, Rus, basileus, khan, prince

For citation: Penskoy A.V., Penskaya T.M., 2025. "Neither Khan nor Basileus": Returning to the Question of the Relationship between Political Theory and Practice in Medieval Rus. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 331–343 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-331-343 EDN: VKTKRJ

Введение

Выбор темы для данного исследования был обусловлен проблемой, которую поднял в 1959 году американский историк М. Чернявский, опубликовавший тогда статью под интригующим названием «Хан или василевс. К вопросу о средневековой русской политической теории» [Cherniavsky, 1959]. В ней он задался поиском ответа на вопрос – как ордынское иго повлияло на образ правителя Русской земли? Для исследователя было несомненным, что в доордынскую эпоху (да и много позднее) идеалом правителя для Руси был византийский император-василевс, и что политическое господство Орды над Русской землей способствовало замене образа византийского василевса образом татарского «царя» в процессе репрезентации власти, таких как коронация, литургия, титулатура, иконография. В конечном итоге, пришел к выводу историк, «для Руси XVI в. титул "царя" был прочно связан с образом хана; прочнее, чем с образом василевса» [Чернявский, 2002, с. 443–444]. И далее, подытоживая свои наблюдения, Чернявский выдвинул оригинальную гипотезу: «Если образ василевса символизировал православного и благочестивого правителя, ведущего свой христианский народ к спасению, тогда, вероятно, образ хана сохранился в идее о русском государе как о не подотчетном никому завоевателе Руси и ее народа» [Чернявский, 2002, с. 456]. Отсюда следовало, что «если василевс являл собой священного царя, то хан символизировал абсолютистское секуляризованное государство, деспотичное вследствие его отделения от подданных» [Чернявский, 2002, с. 456].

Итак, в традиционное обсуждение вопроса о том, что же оказало большее влияние на становление и развитие политических институтов средневековой Руси – политическая традиция византийская или же ордынская, и каким именно было это влияние, американский историк русского происхождения попытался внести нечто новое. Для этого он попробовал изменить устоявшийся угол зрения, под которым принято рассматривать проблему внешнего влияния на становление и развитие русской государственности. Но насколько успешной была его попытка? Ответ на этот вопрос имеет не только сугубо научное, но и немалое общественно-политическое значение, так как он напрямую связан с проблемой происхождения русской современной государственности и природе власти в России. Тема эта в последние два столетия не сходит со страниц как исторических сочинений, так и публицистики и изрядно мифологизирована и политизирована, которые

препятствуют поиску объективного ответа на вопрос о причинах политического своеобразия России. Отсюда и цель настоящей работы – ответ на вопрос, что же повлияло в большей степени на формирование русской политической традиции раннего Нового времени, византийский образец, ордынская модель или же она носила вполне смобытный и самостоятельный характер?

Византия или Орда: к историографии проблемы

Вопрос о внешнем воздействии на процессы формирования и эволюции средневековой русской государственности и ее политических институтов и отношений (а в перспективе – и раннемодерных, поскольку процессе этот носил эволюционный характер) с давних пор занимает умы и историков «чистых», и историков права. В процессе этой дискуссии сформировался широкий спектр мнений, которые располагаются между двумя «полюсами». На одном из этих полюсов находится весьма распространенное мнение о решающем влиянии византийской религиозно-политической доктрины на формирование аналогичной системы взглядов в средневековой Руси [Алексеев, Плотникова, 2012; Бондаренко, 2014; Ларионов, 2018; Тананушко, 2008]. На другом – не менее распространенное мнение относительно «азиатской», ордынской, природы русской государственности [Гусейнов, 2019; Истамгалин, 2009]. При этом, как правило, к крайностям в этой заочной дискуссии тяготеют представители гуманитарных наук, в сферу интересов которых изучение особенностей политического и идеологического устройства равно Византийской и золотоордынской империй, а также средневековой Руси, непосредственно не входит. Так, например, А.Б. Каменский в исследовании, посвященном истории российских реформ в XVIII в., писал, что влияние ордынских образцов на русскую политическую традицию, хотя и невозможно выразить математически, тем не менее оно было значительным уже по той простой причине, что «новое государство создавалось таким, чтобы его политические структуры могли успешно конкурировать с ордынскими». Сущность же ордынской политической модели историк описывал в следующих выражениях: «Это были образцы централизованного государства со строго иерархизированным милитаризованным обществом с **деспотическим режимом и развитой инфраструктурой подавления и управления населением ...**» (здесь и далее выделено нами. – Т.П.) [Каменский, 1999, с. 27]. В схожих выражениях описывал византийские «реалии» известный отечественный медиевист А.Я. Гуревич: «Односторонняя холопская зависимость низших от вышестоящих определяла облик этого общества. <...> Здесь сверху донизу все были рабами... Будучи нормой, холопство порождало произвол и деспотизм, лицемерие и «византизм» [Гуревич. 2007, с. 157, 158]. Для него преемственность в политической традиции между Византией и Россией была несомненной (причем в негативном смысле) [См.: Gurevich, 1992],

Напротив, византинисты же, номадологи и медиевисты, занятые исследованиями именно русского средневековья, придерживаются более осторожных оценок степени влияния византийского и ордынского на формирование и развитие политических, административных, правовых, идеологических и иных институтов Русского государства. Так, британский византинист Д. Оболенский в исследовании о «византийском содружестве наций» указывал на то обстоятельство, что «православное христианство было в высшей степени консервативно и мыслилось как священное и неделимое единство, никакая часть которого не могла быть отчуждена без ущерба для целого» [Оболенский, 1998, с. 310]. Отсюда отечественный византинист Г.Г. Литаврин делал логичный вывод – русские книжники вместе с религиозным учением не могли не воспринять из Византии и учение о верховной власти, которое входило в религиозную доктрину как неотъемлемая составная часть [Литаврин, 1999, с. 471]. Вместе с тем, признавая сам факт заимствования основ этого учения [Литаврин, 2000, с. 329], и Оболенский, и Литаврин отмечали, что реальной почвы для воплощения на Руси его базовых принципов не существовало. По их

мнению, средневековые русские князья не имели в своем распоряжении соответствующей «инфраструктуры» власти, которая была у византийских василевсов [Литаврин, 1999, с. 474], унаследовавших ее от позднеримских императоров.

Что же касается ордынского влияния на политическое развитие Русской земли после 1237–1242 гг., то один из ведущих современных специалистов по русской средневековой истории А.А. Горский отмечал, подводя итоги эволюции политических отношений на Руси со 2-й пол. XIII по конец XIV в., что, во-первых, возвышение Москвы в конце XIII – начале XIV в. было связано, скорее всего, поддержкой не со стороны Орды, а галицко-волыньских князей; во-вторых, объединение северо-восточной Руси «было возможно только под властью «великого князя всея Руси», статус которого сохранялся всегда, несмотря на раздробленность и монгольское завоевание». При этом исследователь подчеркивал, что менялся лишь политический центр – сперва Киев, затем Владимир, потом Москва, «но не представление об общерусском верховном правителе», так что «так называемое Московское государство было с точки зрения исторической традиции не новшеством, а прямым продолжением государства Русь [Горский, 2023, с. 144]. Ордынское влияние в этой истории если и просматривается, то только в виде фиксации посредством выдачи «царского» «жалованья» (ярлыка/ярлыков) результатов межкняжеской борьбы. Соперничавшие за власть и влияние на Руси князья из разных «линьей» дома Рюриковичей использовали верховный авторитет ордынского «царя» как *ultima ratio regum*, признавая его верховный суверенитет над Русской землей, – «**есмы в божьи воли и в царева, как повелит**»¹. Сами же «цари ордынские» выстраивали свои отношения с Рюриковичами по принципу, который, согласно составителю Никоновской летописи, озвучил «царь» Тохтамыш: «Аз улусы своя сам знаю, и кийждо князь русский на моем улусе, а на своем отечестве, живет по старине, а мне служит правдою, и яз его жалую»².

О природе власти и первооснове политической культуры в Византии, Орде и раннесредневековой Руси

Однако вне зависимости от того, какую позицию принять в конечном итоге, приближенную ли к одному из «полюсов» или же равноудаленную от них обоих, представляется важным предварительно ответить на несколько первостепенных вопросов. Первые два из них касаются природы власти и ее устройства в Византии и в Орде и ответы на них позволят сделать вывод относительно верности мнения М. Чернявского о природе власти василевсов и ханов. Третий вопрос касается сущности политической культуры, которая сформировалась в домонгольской Руси и, как полагает А.А. Горский, была унаследована и в монгольскую эпоху, и в постмонгольскую. Отвечая на эти вопросы, мы будем руководствоваться методологическим принципом, который был озвучен немецким византинистом Г.-Г. Беком. Он отмечал, что, анализируя средневековые политические системы, смешивать вместе *Kaiseridee* как комплекс идей, бытовавших в книжной среде, с *Staatsrecht*, реально действовавшим государственным правом, своего рода «конституцией», определявшей порядок взаимодействия политических субъектов [Beck, 1970, s. 9].

М. Чернявский, характеризуя власть василевса как сакральную, традиционную в своей основе, отражал тем самым, не будучи профессиональным византологом, устоявшуюся и в отечественной, и в зарубежной византистике точку зрения. Впрочем, удивляться этому не стоит, поскольку Византийская империя была, по меткому

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. М.-Л., Изд-во АН СССР. С. 22.

² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XI. М.: 2000. Языки русской культуры. С. 84.

выражению русского византиниста И.И. Соколова, «оцерковленным государством», в котором религия и церковь занимали отнюдь не последнее место [Соколов, 2003]. И трудно не согласиться с французским византинистом Ж. Дагроном, который в фундаментальном исследовании «Император и священник» писал о том, что «всегда и везде настоящая власть осознается как харизма, как своего рода священство и теми, кто ее осуществляет, и теми, кто ей подчиняется» [Дагрон, 2010, с. 6].

Однако, говоря об «оцерковленности» Византийской империи и о сильнейшем влиянии, которое оказывали на ее политическую культуру христианские догмы и каноны, все же не стоит забывать о том, что византийский культурный (в широком смысле) феномен родился в результате сложного синтеза нескольких начал, и христианское было лишь одним из нескольких. И отнюдь не случайно византийский император носил титул βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων – «василевса ромеев», «императора римлян», подчеркивая тем самым прямую и непосредственную преемственность с «Ветхим Римом», старой доброй Римской империей. Как отмечал отечественный византинист Г.Л. Курбатов, «византийцы всегда считали себя «римлянами» – ромеями, а свое государство римским – ромейским. Непосредственное начало своей, византийской, государственности они относили к строю и режиму эпохи начала домината, «делу блаженного императора Константина», утвердившего режим неограниченной монархии, соединившей римско-эллинистическую идею с христианством и союз государства с христианской церковью. Поэтому основой византийской политической теории считают императорскую римскую идею в связи с эллинистической идеей царства и ее оформление в христианской концепции власти» [Курбатов, 1991, с. 15].

В Византии римская политическая культура (которая сама по себе носила многослойный характер), хотя со временем и была оттеснена на второй план христианской, тем не менее продолжала играть значимую роль в жизни византийского и государства, и общества. «Нормы древней *res publica* были накрепко укоренены в идеологии ее [Византии] политического поля», – писал американский византинист Э. Калделлис, так что, подчеркивал он, «то, что мы называем Византией, было бурной, политически динамичной, но в конце концов стабильной монархической республикой в римской традиции, **притворяющейся – для себя в той же мере, в какой и для других – императорской теократией...**» [Калделлис, 2016, с. 298]. Поэтому можно говорить по меньшей мере о неоднозначности образа василевса, в котором сочетались и начало сакральное, и начало секулярное, – ведь в последнем случае василевс предстает перед нами как высший республиканский магистрат, по большому счету чиновник на службе у римского *princeps*, который, согласно римской же правовой традиции, являлся носителем высшей власти [Литаврин, 1985, с. 24].

Именно этот секулярный элемент византийской политической культуры, который нашел свое воплощение в не имеющих в то время аналогов отлаженной бюрократической машине, изощренной фискальной системе, хитроумной дипломатии, военной науке и практике и совершенных судебно-правовых институтах. Они, а не христианская концепция власти, являлись основой могущества и влияния империи в окружающем ее варварском мире. И потому стоит ли полагать, как это делал М. Чернявский, Византийскую империю традиционным «царством», а василевса – священным царем? Формально – да. Декорации, которыми была обставлена сцена византийского политического театра, как бы свидетельствуют в пользу этого предположения. Однако реальная кухня власти в империи выглядела иначе и по существу имела мало общего с образами, которые создавали и транслировали византийские интеллектуалы.

Иначе обстояло дело с ордынской политической культурой, основы которой закладывались в эпоху становления империи Чингисхана. Любопытные наблюдения сделала Т.Д. Скрынникова, анализируя особенности монгольского менталитета. Она отмечала, что у монголов параллельно сосуществовали два типа лидеров –

харизматический и традиционный [Скрынникова, 2013, с. 183]. К последнему относились так называемые *бэхи*, «старейшины», главы родов и кланов, власть которых основывалась прежде всего на традиции. Первый же тип господства олицетворяли собой носители титула «хан/хаган». Ханское право на власть обусловлено было в первую очередь наличием у него сакральности, харизмы: «Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!»¹. «Две сакральные субстанции, присущие хагану: харизма и сила, идентичная силе Неба, – выполняли, по представлениям монголов, регулирующую функцию в двух отдельных, но неразделенных областях: собственный народ и государство (*улус*) и вселенная (*дэлхий*)» [Скрынникова, 2013, с. 188]. При этом «независимо от типа "господства – подчинения" **правитель являлся сакральным центром этнической, этносоциальной, социально-политической общности, что позволяло ему выполнять жреческие функции в своем социуме.** Целью проводимых им обрядов являлось установление и поддержание миропорядка, социальной гармонии», – отмечала Т.Д. Скрынникова [2013, с. 206].

Таким образом, именно татарские династы были традиционными правителями – землеустроителями и священнослужителями-жрецами, власть которых и авторитет покоились на сакральном начале и обладании магическими способностями, но не на деспотической манере властвования и «развитой инфраструктуре подавления и управления населением» (которая в принципе была нехарактерна для кочевых сообществ, – А.М. Хазанов указывал, что «политическая власть в кочевых полициях в значительной мере оставалась диффузной и в основном связанной с военными и организационно-регулятивными функциями» [Хазанов, 2006, с. 479]). Для Средневековья это было нормой, – неразвитость властной инфраструктуры вынуждала верховную власть искать обходные пути для повышения своего влияния и авторитета, и легитимация через сакрализацию была одной из таких стратегий. Так, французский историк М. Блок, характеризуя сущность королевской власти во Франции, писал: «Представления о короле как о священной фигуре, исполненной особых сил, сочетающей в себе как религиозное отношение, так и магически-мистическое, было по сути определением социально-политической роли королей, они были "вождями народа", *thiudans*, пользуясь старинным германским словом» [Блок, 2003, с. 374]. Правда, по мнению французского филолога Э. Бенвениста, в индоевропейском мире еще в глубочайшей древности сформировались две традиции интерпретации образа царя и присущей ему власти. На его периферии, в индоарийском мире, у кельтов и латинов долго сохранялось отношение к царю как к божеству во плоти. Греки же и германцы в своей мифологии власти исходили из того, что цари – это люди, не совсем, конечно, обычные (или полубоги, или происходящие от богов), но получившие верховную власть от богов вместе с соответствующими ей атрибутами: «Для индо-иранцев царь есть божество... но гомеровский царь всего лишь человек, который получил царское достоинство от Зевса вместе с подчеркивающими это достоинство атрибутами»².

Праславянский мир, находившийся на дальней периферии индоарийского мира, подобно кельтской или латинской «ойкуменам», был в меньшей степени затронут последствиями «катастрофы бронзового века», и изначальный подход к оценке образа царя как священного правителя сохраняется здесь довольно долго. Во всяком случае ряд свидетельств арабских книжников раннего Средневековья позволяет это утверждать [Петрухин, 2009; Крадин, 2012]. Вместе с тем необходимо отметить, что раннесредневековая русская государственность и, следовательно, ее идеология, пусть и не в выраженной теоретической форме, складывалась под серьезным воздействием скандинавского (германского) влияния (А.А. Горский вообще полагает, что имело место опосредованное через датского конунга Рёрика влияние франкского опыта государственного строительства [Горский, 2023]). Интересными представляются

¹ Сокровенное сказание монголов. М. : Тов.-во научных изданий КМК, 2002. С. 138.

² Бенвенист. Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс-Универс, 1995. С. 263.

сделанные А.В. Назаренко выводы относительно природы межкняжеских отношений в раннесредневековой Руси. «Главнейшей чертой, которая определяла династический строй во многих раннесредневековых государствах Европы, – отмечал он в одной из своих работ, – был взгляд на государство как на патримоний – семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников», и в том случае, если таковых оказывалось несколько, то тогда и возникало пресловутое *corpus fratrum*, «так или иначе организованное братское совладение» [Назаренко, 2009, с. 7]. И далее он указывал, что «наиболее последовательно этот порядок, вытекающий из устройства архаического династически-родового сознания, был реализован в государстве франков и на Руси, где приобрел самые развитые и дифференцированные формы» [Назаренко, 2009, с. 7].

Говоря о семейственности в деле совладения Русской землей князьями из дома Рюриковичей, необходимо отметить, что она утверждается далеко не сразу. Еще в договоре Олега с византийцами упоминаются ходящие «под рукою» «великого князя русаго» «светлые и великие князья». «Всякое княжье» упоминается и в преамбуле договора Игоря с византийцами же [Повесть временных лет, 1999, с. 18, 23]. Кем могли быть эти «великие и светлые князья» и «всякое княжье», можно предположить исходя из скудной информации, которую сообщает летописец в рассказе о конфликте Игоря и древлян. Из летописного свидетельства следует, что в древлянской земле было несколько князей, старейшим из которых был Мал, и князья эти, по мнению древлянской старшины, «добри суть, иже распасли суть Деревьску землю»¹. Эту фразу можно истолковать как намек на традиционный, исконный характер власти древлянских князей. Однако по прошествии ста лет, к моменту смерти Ярослава Мудрого, от всех этих «великих и светлых князей» вместе с «всяким княжеством», которые «добри суть», не осталось и следа – в «политическом завещании» Ярослава присутствуют только его дети, которым он и передал всю власть над Русской землей. Принцип братского совладения утвердился окончательно, и Русская земля стала патримонием дома Рюриковичей. Подобного рода порядок для византийцев был нонсенсом и в корне противоречил их политическим установкам.

Однако и это еще не все, если вести речь о характеристике формирующейся раннесредневековой русской политической культуры. К любопытным выводам относительно природы раннесредневековой русской государственности пришел Н.Н. Крадин, один из ведущих отечественных политантропологов. По его мнению, «исторический парадокс "призвания варягов" состоит в том, что викинги принесли на Русь не столько государственность, сколько гетерархическую модель управления», для которой характерны доминирование горизонтальных социально-политических связей и отношений, сегментарная социальная организация, большая, чем в случае с иерархическими моделями организации политической власти, распределенность богатства и власти и пр. Применительно к конкретным русским условиям эпохи начала политогенеза (сер. IX – сер. XI в.) это означало, что «власть в городах Руси была распределена между несколькими политическими силами – князья, бояре, городская элита» [Крадин, 2012, с. 230, 232]. Естественно, что применительно к конкретным русским условиям домонгольского периода византийская идея императора-автократора и наместника Бога на земле, наделенного соответствующей властью и ее атрибутами, не могла быть воплощена в реальности.

И в завершение необходимо упомянуть еще одно важное обстоятельство, которое не могло не иметь существенных последствий для формирования политической культуры Руси эпохи Средневековья. В.М. Живов отмечал, что, в отличие от стран Западной Европы, Русь не стала сонаследницей римской имперской цивилизации. И сами византийцы не стремились делиться с северными варварами в полной мере своим сокровенным знанием о сущем, и на Руси в силу особенностей рецепции византийской

¹ Повесть временных лет. СПб. : Наука, 1999. С. 27.

культурной традиции не особо интересовались тем, что находилось за пределами религиозной мудрости. «Поэтому Киевская Русь римской прививки не получает, легального дискурса не вырабатывает и соответствующих социальных институций не развивает» [Живов, 2002, с. 296]. И как результат, подчеркивал Живов, те же правовые византийские памятники «воспринимаются как часть христианской культуры и получают **религиозную, а не практическую** значимость...» [Живов, 2002, с. 297-298]. Отсюда следует, что секулярный компонент византийской политической культуры – то, на чем покоилась власть императора как автократа, – не рассматривался русскими книжниками как некое руководство к действию.

Заключение

Политическая культура раннесредневековой Руси в общих чертах сложилась к середине XI в. и потом дорабатывалась на протяжении последующих полутора столетий по двум направлениям. Первое, наиболее заметное – попытка переноса на русскую почву византийской религиозно-политической доктрины в той ее части, что касалась власти государя. Второе – дальнейшая разработка положений доктрины *corpus fratum*, которая наложилась на устоявшуюся к тому же времени гетерархическую политическую модель. При этом нет сомнений в том, что секулярная составляющая имперской политической традиции на Руси не получила никакого распространения – характер княжеской власти и власти вообще оставался сугубо патримониальным и патриархальным, но никак не публичным. Однако и сакральная составляющая византийской доктрины в полной мере не была реализована – князья хотя и взяли на себя роль патронов церкви [Флоря, 2007], однако при всех стараниях русских книжников той эпохи Рюриковичи не уподобились византийским императорам как наместникам/викариям Господа на земле. Не сохранили они за собой и статуса царей-священников и жрецов, который им изначально не принадлежал и, судя по всему, ушел в прошлое вместе со «светлыми князьями» и старой верой.

Полноценному восприятию основ византийской политической культуры на Руси препятствовали, с одной стороны, особенности процесса рецепции византийских культурных ценностей на Руси, а с другой – характерные черты средневекового русского социума и присущие ему политические и культурные институты и отношения, отличные от византийских. Византийское воздействие имело сугубо внешний, наносной характер, не затрагивало глубинных ее основ, сохранивших свой варварский, «германский» характер в ее «надстроечном» сегменте и вполне традиционный, патримониальный характер в практической части. И если в теоретической ее части и можно было найти прямые параллели с византийской политической культурой (благодаря усилиям книжников, и то не в полной мере, ибо в русской книжности кануна завоевания был широко распространен мотив князя-воина, который в целом был нехарактерен для византийских представлений об идеальном императоре, являвшимся прежде всего законодателем и мироустроителем [Флоря, 2012]), то в практической части – нет. Сложившаяся на Руси к 30-м гг. XIII в. модель политической культуры хотя и испытала определенное влияние византийской модели, однако сохранила вполне самобытный характер.

Выводы, сделанные британским славистом С. Франклином относительно замедленного внедрения в административный обиход средневековой Руси «формальной» письменности, задействованной в первую очередь в публичной сфере, только подтверждают это предположение. «Заторможенное усвоение на Руси формальной административной письменности объясняется относительной надежностью и – одновременно устойчивостью традиционных способов общественного контроля», – отмечал он [Franklin, 2004, p. 185]. Развивая свой тезис далее, историк указывал на то обстоятельство, что «способы регулировать поведения людей, эффективные и весьма

изошренные, вполне могли поддерживаться традицией, не предполагая обязательного обращения к формальным операциям с письмом [Franklin, 2004, p. 185]. Такое положение, завершал свою мысль исследователь, «никоим образом не говорит об отсталости и неразвитости светских учреждений», скорее, речь нужно вести о другом – эта особенность механизмов управления в средневековой Руси в большей степени «указывает на **устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную обществом функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции** и ее сопротивление тем типам структурных перемен, какие могли бы потребоваться при "логическом" (в духе Византии), узаконенном использовании технологии письма» [Franklin, 2004, p. 277; Clanchy, 1993, p. 41].

Поменялась ли ситуация после монгольского вторжения и установления ордынского ига над Русью? Безусловно, отрицать определенное воздействие ордынских политических и административных практик на русскую действительность было бы бессмысленным. Такое воздействие определенно существовало, однако, на наш взгляд, оно затронуло лишь отдельные аспекты русской политической культуры, преимущественно в практической сфере – административно-фискальной в первую очередь (хотя и здесь остается ряд дискуссионных вопросов [Кривошеев, 1999]). Однако это влияние никак не затронуло, как было показано нами ранее, первооснову политической системы Русской земли – ее неписаную «конституцию», которая регулировали отношения между князьями и их окружением и между властью и «землей» [Пенская, 2024]. Не затронуло ордынское иго и правовую систему Руси, которая, как и прежде, основывалась на старом добром обычном праве, дополненном правом каноническим. И политическая, и правовая культура «монгольской» Руси сохранила свою основу, патримониальную и патриархальную.

То же самое можно сказать и о византийском влиянии в «монгольскую» эпоху. Ослабление империи после 1204 года, ставшее особенно заметным во 2-й пол. XIV в., не могло не привести к тому, что на Руси ее перестали рассматривать как серьезную политическую силу. Об этом наглядно свидетельствуют сетования патриарха Константинопольского Антония IV на пренебрежительное отношение со стороны великого князя владимирского и московского Василия I к императору и патриарху [Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу, 1880]¹. Ситуация начинает изменяться во 2-й пол. XV в. Процесс «собирания земель» и «собирания власти» на Руси привел к складыванию Русского государства, а вместе с ним был запущен и другой процесс – корректировка прежней политической культуры согласно новым политическим реалиям. Этот процесс в середине XVI в. вступил в завершающую стадию, и здесь византийское влияние (в том виде, в каком его представляли себе испытывавшие «второе южнославянское влияние» русские книжники) сыграло далеко не последнюю роль, однако этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения и выходит за рамки данной статьи.

Список литературы

- Алексеев С.В., Плотникова О.А. 2012. Легитимация власти на начальных этапах христианизации Восточной Европы. *Историческое обозрение*. 13: 4-14.
- Блок М. 2003. Феодальное общество. М., Изд-во им. Сабашниковых, 504 с.

¹ Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу, с известием о мерах, принятых против непокорных митрополиту новгородцев и с укоризною за неуважение к патриарху и царю. 1880 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. VI. Памятники древне-русского канонического права. Часть первая (памятники XI – XV в.). Приложения. Памятники русского канонического права XIII- XV в., сохранившиеся в греческом подлиннике. СПб.: Тип.-я Имп. Академии наук. Стб. 266-276

- Бондаренко Ю.В. 2014. О влиянии византийской культуры на политико-правовое пространство Киевской Руси и Болгарии. *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал*. 6: 44-46.
- Дагрон Ж. 2010. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». СПб., Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 480 с.
- Горский А.А. 2023. Политическое развитие средневековой Руси. М., Наука, 245 с.
- Гуревич А.Я. 2007. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., Изд-во С.-Петербургского университета, 560 с.
- Гусейнов Р.Г. 2019. Влияние монголо-татарского ига на развитие российского государства и права. *Вопросы российской юстиции*. 3: 16-23.
- Живов В.М. 2002. История русского права как лингвосемиотическая проблема, Postscriptum. В кн.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., Языки славянской культуры: 291-305.
- Истамгалин Р.С. 2009. Формирование и конкуренция моделей общественного развития в Московской Руси. *Социально-гуманитарные знания*. 2: 215-229.
- Калделлис Э. 2016. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме. СПб., Дмитрий Буланин, 448 с.
- Каменский А.Б. 1999. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 328 с.
- Крадин Н.Н. 2012. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии. В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 211-239.
- Кривошеев Ю.В. 1999. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. СПб., Изд-во С.-Петербургского университета, 408 с.
- Курбатов Г.Л. 1991. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., Изд-во ЛГУ: 270 с.
- Ларионов В.Е. 2018. Этапы становления самодержавной парадигмы в домонгольской Руси. В кн.: Культурное наследие России. 2: 23-33.
- Литаврин Г.Г. 2000. Византия, Болгария. Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., Алетейя: 398 с.
- Литаврин Г.Г. 1999. Византия и славяне. СПб.: Алетейя: 607 с.
- Литаврин Г.Г. 1985. Восточноримская империя в V – VI вв. В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах. VI – XII вв. М., Наука: 8-33.
- Назаренко А.В. 2009. Древнерусское династическое старейшинство по «Ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые. В кн.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 7-28.
- Оболенский Д. 1998. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К: 655 с.
- Пенская Т.М. 2024. Московская «конституция»: княжеские духовные грамоты и докончания как основа политического устройства Руси. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 49(1): 79-89.
- Петрухин В.Я. 2009. Становление государства и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа. В кн.: Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., Рукописные памятники Древней Руси: 81-150.
- Скрынникова Т.Д. 2013. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб., Евразия: 384 с.
- Соколов И.И. 2003. О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843-1453 г.). Вселенские судьи в Византии. СПб., Изд-во Олега Абышко: 272 с.
- Тананушко Д.Н. 2008. Традиции Византии и процесс формирования политической культуры древней Руси. *Известия Алтайского государственного университета*. 4-1: 198-199.
- Флоря Б.Н. 2007. Отношения государства и Церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). В кн.: Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., ЦНЦ «ПЭ»: 528 с.

- Флоря Б.Н. 2012. Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.). В кн.: Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.) М., Знак: 9-94.
- Хазанов А.М. 2006. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе. В кн.: Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, Учитель: 468-489.
- Чернявский М. 2002. Хан или василевс: одни из аспектов русской средневековой политической теории. В кн.: Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., Языки славянской культуры: 442-456.
- Beck H.-G. 1970. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. Munchen, Verlag der Bayrischen Akademie der Wissenschaften: 41.
- Cherniavsky M. 1959. Khan or Basileus. An aspect of Russian medieval political Theory. *Journal of the History of Ideas*. 20: 459-476.
- Clanchy T.M. 1993. From Memory to Written Record. England 1066-1307. Oxford, Blackwell Publishers: 407 p.
- Franklin S. 2004. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, Cambridge University Press: 325 p.
- Gurevich A. 1992. Why am I not a Byzantinist? *Dumbarton Oaks Papers*. 46: 89-96.

References

- Alekseev S.V., Plotnikova O.A. 2012. Legitimaciya vlasti na nachal'ny`x e`tapax xristianizacii Vostochnoj Evropy` [Legitimization of power at the initial stages of Christianization of Eastern Europe]. *Istoricheskoe obozrenie*, 13: 4-14.
- Beck H.-G. 1970. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. Munchen, Verlag der Bayrischen Akademie der Wissenschaften: 41 (in Russian).
- Cherniavsky M. 1959. Khan or Basileus. An aspect of Russian medieval political Theory. *Journal of the History of Ideas*, 20: 459-476 (in Russian).
- Clanchy T.M. 1993. From Memory to Written Record. England 1066-1307. Oxford, Blackwell Publishers, 407 p. (in Russian).
- Blok M. 2003. Feodal'noe obshchestvo [Feudal society]. М., Izd-vo im. Sabashnikovy`x Publ., 504 s.
- Bondarenko Yu.V. 2014. O vliyani vizantijskoj kul'tury` na politiko-pravovoe prostranstvo Kievskoj Rusi i Bolgarii [On the influence of Byzantine culture on the political and legal space of Kievan Rus and Bulgaria]. *Probely` v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal*. 6: S. 44-46.
- Chernyavskij M. 2002. Xan ili vasilevs: odni iz aspektov russkoj srednevekovoj politicheskoy teorii [Khan or basileus: some aspects of Russian medieval political theory]. *Iz istorii russkoj kul'tury`. T. II. Kn. 1. Kievskaya i Moskovskaya Rus`. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul'tury` Publ.: 442-456.*
- Dagron Zh. 2010. Imperator i svyashhennik: e`tyud o vizantijskom «cezarepapizme» [Emperor and priest: an essay on Byzantine "caesaropapism"]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU: Nestor-IstoriyaPubl., 480 s.
- Florya B.N. 2007. Otnosheniya gosudarstva i Cerkvi u vostochny`x i zapadny`x slavyan (e`poxa srednevekov`ya) [Relations between the State and the Church among the Eastern and Western Slavs (the Middle Ages)]. In Florya B.N. Issledovaniya po istorii cerkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e. М., CzNCz «PE`» Publ.: 528 s.
- Florya B.N. 2012. Predstavleniya ob otnosheniyax vlasti i obshchestva v Drevnej Rusi (XII – nachalo XIII vv.) [Ideas about the Relations between Power and Society in Ancient Rus' (12th – Early 13th Century)]. In *Vlast` i obshchestvo v literaturny`x tekstax Drevnej Rusi i drugix slavyanskix stran (XII-XIII vv.)*. М., Знак Publ.: 9-94.
- Franklin S. 2004. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, Cambridge University Press, 325 p. (in Russian).
- Gorskij A.A. 2023. Politicheskoe razvitiye srednevekovoj Rusi [Political development of medieval Rus']. М., Nauka Publ., 245 s.
- Gurevich A.Ya. 2007. Izbranny`e trudy`. Srednevekovy`j mir [Selected works. The medieval world]. SPb., Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta Publ., 560 s.
- Gurevich A. 1992. Why am I not a Byzantinist? *Dumbarton Oaks Papers*. 46: 89-96 (in Russian).

- Gusejnov R.G. 2019. Vliyanie mongolo-tatarskogo iga na razvitie rossijskogo gosudarstva i prava [The influence of the Mongol-Tatar yoke on the development of the Russian state and law]. *Voprosy` rossijskoj yusticii*. 3: 16-23.
- Istamgalin R.S. 2009. Formirovanie i konkurenciya modelej obshhestvennogo razvitiya v Moskovskoj Rusi [Formation and competition of models of social development in Muscovite Rus']. *Social`no-gumanitarny`e znaniya*. 2: 215-229.
- Kaldellis E`. Vizantijskaya respublika: narod i vlast` v Novom Rime [Byzantine Republic: People and Power in New Rome]. SPb., Dmitrij Bulanin Publ., 2016, 448 s.
- Kamenskij A.B. 1999. Rossijskaya imperiya v XVIII veke: tradicii i modernizaciya [Russian Empire in the 18th Century: Traditions and Modernization]. M., Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 328 s.
- Kradin N.N. 2012. Stanovlenie gosudarstvennosti na Rusi v svete danny`x politicheskoy antropologii [Formation of Statehood in Rus' in Light of Political Anthropology Data]. In *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy`. 2010 god: Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva*. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 211-239.
- Krivosheev Yu.V. 1999. Rus` i mongoly`. Issledovaniya po istorii Severo-Vostochnoj Rusi XII – XIV vv. [Rus' and the Mongols. Research on the History of North-Eastern Rus' in the 12th–14th Centuries]. SPb., Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta Publ., 408 s.
- Kurbatov G.L. 1991. Rannevizantijskie portrety`. K istorii obshhestvenno-politicheskoy my`sl`i [Early Byzantine portraits. On the history of socio-political thought]. L., Izd-vo LGU Publ., 270 s.
- Larionov V.E. 2018. E`tapy` stanovleniya samoderzhavnoj paradigmy` v domongol`skoj Rusi [Stages of formation of the autocratic paradigm in pre-Mongol Rus']. *Kul`turnoe nasledie Rossii*. № 2: 23-33.
- Litavrin G.G. 2000. Vizantiya, Bolgariya. Drevnyaya Rus` (IX – nachalo XII v.) [Byzantium, Bulgaria. Ancient Rus' (IX – beginning of XII century)]. SPb., Aletejya Publ., 398 s.
- Litavrin G.G. 1999. Vizantiya i slavyane [Byzantium and the Slavs]. SPb.: Aletejya Publ.: 607 s.
- Litavrin G.G. 1985. Vostochnorimskaya imperiya v V–VI vv. [Eastern Roman Empire in the 5th–6th centuries]. In *Rannefeodalny`e gosudarstva na Balkanax. VI–XII vv.* M., Nauka Publ.: 8-33.
- Nazarenko A.V. 2009. Drevnerusskoe dinasticheskoe starejshinstvo po «Ryadu» Yaroslava Mudrogo i ego tipologicheskie paralleli – realny`e i mnimy`e [Old Russian dynastic seniority according to the "Row" of Yaroslav the Wise and its typological parallels - real and imaginary]. In Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus` i slavyane (Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy`, 2007 god)*. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ.: 7-28.
- Obolenskij D. 1998. Vizantijskoe Sodruzhestvo Nacij. Shest` vizantijskix portretov [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. M., *Yanus-K Publ.*, 655 s.
- Penskaya T.M. 2024. Moskovskaya «konstituciya»: knyazheskie duxovny`e gramoty` i dokonchan`ya kak osnova politicheskogo ustrojstva Rusi [Moscow "constitution": princely spiritual charters and completions as the basis of the political structure of Rus']. *Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 49 (1): 79-89.
- Petruxin V.Ya. 2009. Stanovlenie gosudarstva i vlast` pravatelya v germano-skandinavskix i slavyanskix tradiciyax: aspekty` sravnitel`no-istoricheskogo analiza [Formation of the state and the power of the ruler in the German-Scandinavian and Slavic traditions: aspects of comparative historical analysis]. In *Obshhestvennaya my`sl` slavyanskix narodov v e`poxu rannego srednevekov`ya*. M., Rukopisny`e pamyatniki Drevnej Rusi Publ.: 81-150.
- Povest` vremenny`x let [The Tale of Bygone Years]. 1999. SPb., Nauka Publ., 668 s.
- Skry`nnikova T.D. 2013. Xarizma i vlast` v e`poxu Chingis-xana [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. SPb., Evraziya Publ., 384 s.
- Sokolov I.I. 2003. O vizantinizme v cerkovno-istoricheskom otnoshenii. Izbranie patriarxov v Vizantii s sere diny` IX do nachala XV veka (843-1453 g.). Vselenskie sud`i v Vizantii [On Byzantinism in Church-historical Relation. Election of Patriarchs in Byzantium from the Middle of the 9th to the Beginning of the 15th Century (843-1453). Ecumenical Judges in Byzantium]. SPb., Izd-vo Olega Aby`shko Publ., 272 s.
- Tananushko D.N. 2008. Tradicii Vizantii i process formirovanii politicheskoy kul`tury` drevnej Rusi [Traditions of Byzantium and the Process of Formation of the Political Culture of Ancient Rus']. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-1: 198-199.

- Xazanov A.M. 2006. Kochevniki evrazijskix stepej v istoricheskoy retrospective [Nomads of the Eurasian steppes in historical retrospect]. In *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi*. Volgograd, Uchitel', 468-489.
- Zhivov V.M. 2002. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema, Postscriptum [History of Russian law as a linguo-semiotic problem, Postscriptum]. In Zhivov V.M. *Razy'skaniya v oblasti istorii i predy'storii russkoj kul'tury* [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. M., Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ.: 291-305.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 07.04.2025

Поступила после рецензирования 23.05.2025

Принята к публикации 19.06.2025

Received April 7, 2025

Revised May 23, 2025

Accepted June 19, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пенской Александр Витальевич, адвокат, Адвокатская палата Белгородской области, г. Белгород, Россия.

Alexander V. Penskoj, lawyer, Bar Chamber of the Belgorod Region, Belgorod, Russia.

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.